

А.В. Парибок

О РАЗЛИЧИИ В ФОРМАЛИЗАЦИИ ЛОГИКИ У ИНДИЙЦЕВ И ГРЕКОВ В СВЯЗИ С РАЗЛИЧИЕМ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДИКАЦИИ*

Парибок Андрей Всеволодович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник центра исследования философии и культуры Индии «Пурушоттама». Российский университет дружбы народов. Российская Федерация, 117196, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: paribok6@gmail.com

В статье обсуждаются некоторые логические, семантические и метафизические последствия или корреляции с вводимой типологией порядка слов в глагольных и именных предложениях, которые в европейской традиции представляют собою речевые схемы, употребляемые в суждениях. Комбинаторика порядка слов дает четыре варианта, из которых три реально представлены языками-носителями самобытных философских традиций. Показано, что западный порядок слов направляет смысловую интуицию к субстанциализму, арабский – в глагольных предложениях – предрасполагает к открытой и описанной А.В. Смирновым процессуальной логике смысла, а санскритский – к пониманию мышления как закономерного перехода от одного объекта к другому, причем онтологический тип объекта не предreshен.

Ключевые слова: А.В. Смирнов, логико-смысловая теория, субстанциализм, процессуальность, типология, индийская логика, логика, предикация, порядок слов, языковое мышление, санскрит, арабский язык

Для цитирования: *Парибок А.В.* О различии в формализации логики у индийцев и греков в связи с различием порядка слов в предикации // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 35–42.

Глаголы и имена, а стало быть, и предложения с глагольными и именными сказуемыми различаются, может, не во всех языках, но точно во всех тех, в которых имеется большая культурная и интеллектуальная традиция – да таких на свете, впрочем, немного. Человек западной культуры, если

---

* Работа подготовлена в рамках Соглашения между Министерством Образования и Науки РФ и Российского университета дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии». Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

не имеет лингвистической подготовки, настолько привык к единообразию порядка слов в двух названных типах предложений – глагольном и именном, – что вовсе не обращает на этот факт внимания; ему даже на ум не приходят иные возможности. Разве не всегда сначала подлежащее (S), а потом уж сказуемое (P), и при этом безразлично, глагольное (S-Pv) или именное (S-Pn)? Оказывается, однако, что не всегда.

Из чистой комбинаторики мы получаем четыре варианта сочетания порядков слов в случаях глагольной и именной предикаций, а именно: I. Неизменно S-P. Это общеизвестный синтаксический шаблон языков Запада, начиная с древнегреческого и латыни (т.е. первых в Европе языков философии и логики), притом не только индоевропейских, но и финно-угорских (венгерского и финского). II. S-Pn, но Pv-S. Из важных для мировой культуры языков этот вариант представлен прежде всего классическим арабским. III. Противоположный случай, S-Pv, но Pn-S, засвидетельствован в санскрите¹ (современные индийские языки перешли в I²). IV. Мыслимый единообразный порядок P-S в старописьменных языках не встречается.

Сочетание таких черт, как (а) непременность шаблонного глагола-связки и (б) совпадение в единой лексеме выражения смыслов просто 'быть', 'быть тем-то' и 'быть там-то'³, наблюдается только в языках типа I. И это, *не универсальное*, свойство языка мышления решающим образом сказалось не только в построении западной метафизики, что философам отлично известно, но и в логике. Благодаря единообразию порядка слов в типе I на Западе создалось в принципе не опровергаемое без знакомства с языками типов II и III убеждение, или, лучше сказать, неограниченно подтверждающая сама себя смысловая интуиция, как мы сейчас понимаем, обусловленная фундаментальной чертой синтаксиса и сообразной ей чертой семантики (бытийный глагол), мнящая себя всеобщей. Элиминация глагола из традиционной логики как дисциплины, на абстрактном уровне допустимая для языка типа I и фактически осуществленная уже Аристотелем, была доведена до блеска французами XVII века, предложившими концепцию, согласно которой в сущности (по-современному, «на глубинном уровне») имеется единственный *субстантивный* глагол 'быть', а все прочие глаголы суть сокращения, что можно представить так: *Pierre vit* < *Pierre est vivant* ('Петр жив, живет' < 'Петр *есть* живущий')⁴.

Суммируем. Всякая мысль выражается суждением; всякое суждение начинается с подлежащего, выполняющего функцию логического субъекта (далее идут бытийная связка и содержательный предикат); наконец, верная мысль познаёт то, что есть. Из таких обязательных черт организации мысли чрезвычайно естественно вырастают, а затем обосновываются

¹ Эта черта до сравнительно недавнего времени не отмечалась в европейских описаниях и учебниках санскрита, вследствие чего в переводах с санскрита на английский, западно-европейские языки и русский попадают ошибки: подлежащее воспринимается именным сказуемым и обратно.

² Вследствие этого в нынешнюю индийскую программу обучения разговорному санскриту вкрались грубые ошибки. Предлагаемые в ней якобы санскритские фразы со смыслом вроде «Шивадатта умен» и ненормальны, и означали бы «существует умный Шивадатта».

³ Философское обсуждение этого см., например, в книгах: *Брентано Ф.* О многообразии сущего по Аристотелю. СПб., 2013; *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб., 1997.

⁴ См.: *Арно А., Лансло К.* Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990. С. 149; *Арно А., Николь П.* Логика, или Искусство мыслить. М., 1991. С. 107.

метафизические убеждения: а) сущности – как денотаты подлежащих – *есть*, и б) они не только грамматически (для речи), но и логически (для мысли) и онтологически, как вещи, *res* в мире – первее соответственно сказуемых (речь), предикатов (мысль) и свойств, состояний и пр. особенностей вещей, обозначаемых аристотелевыми категориями со второй по десятую.

Подобное развитие смысловой схемы и онтологических убеждений не будет, однако, естественным ни для арабского, ни для санскрита как сред мышления⁵. Индийская мысль развивалась столь же самостоятельно, как и западная, и пришла к полностью оригинальным решениям. Арабоязычному же региону исторически посчастливилось меньше, ибо масштабная рецепция греческого интеллектуального богатства в первые полтора века халифата пресекла возможность самостоятельного развития арабами совершенно самобытных логики и метафизики. Тем не менее арабскому речевому мышлению, как то всесторонне обосновал в своей концепции А.В. Смирнов⁶, присуща процессуальная логика смысла, отличная от западной субстанциалистской, и можно показать, что она гармонично связана с типом II, характерным для арабского языка, а не только, как уже доказано в трудах Смирнова, с его словообразованием и устройством лексики. Ниже я предлагаю весьма краткую форму аргумента в пользу этого тезиса, но он, конечно, заслуживает более подробного изложения. Для начала будем отправляться от привычной субстанциалистской онтологии и искать в частях речи соответствия чему-то бытийствующему. Обычно именно так и делается. Тогда выходит, что существительными обозначаются субстанции, вещи мира, а прилагательными качества вещей мира. Согласимся. Но предлагаемая в том же духе расхожая догма школьной грамматики, что, мол, глаголами тоже *обозначаются* главным образом действия или процессы *мира*, рассыплется от нижеследующего контраргумента, основанного на весьма старинном тезисе индийской лингвофилософской традиции.

Итак. Я утверждаю, что то, на что указывают, как знаки, две главные знаменательные части речи, – имена (как существительные, так и прилагательные) и глаголы, – различно по своему способу бытия. То, о чем сообщается

⁵ Оно и русскому языку подходит далеко не идеально. Глагол-связка у нас отсутствует, смысловое подлежащее нередко выражается конструкциями, эквивалентов которым в европейских языках и в английском нет. Ср. полную неперебиваемость на эти языки являющихся суждениями фраз «мужику лень» или «больному не встать». В учебниках традиционной логики (как в старой удачной книге Челпанова, выдержавшей много изданий) не могут обойтись без противоестественных выражений: «*Все французы суть европейцы. Все европейцы суть грамотны. Следовательно, все французы суть грамотны*» (Челпанов В.Г. Учебник логики. М., 2010. С. 67). Человек, у которого родной язык русский, так никогда бы не выразился, сколь бы логично он ни мыслил, покуда его не принудили бы к такому извращению преподаватели. Так же повсюду применяется сведение глагольного предложения к именному, причем без всякой ссылки на логику и грамматику Пор-Рояля, например: «Схема категорического суждения: S есть P. Пример: «Земля вращается вокруг Солнца»» (Там же. С. 41), хотя этот ход далеко не тривиален. Так что возможное имманентное для нашего родного языка нормирование строгого речевого мышления хотя и будет заметно меньше отличаться от западноевропейского, чем подходящее для арабского или санскрита, но совпадать с западноевропейским не будет.

⁶ См. прежде всего: Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М., 2015; Он же. Событие и вещи. М., 2017; Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М., 2019.

при употреблении типичных предметных существительных и прилагательных, может быть просто замечено и опознано органами чувств. Они, стало быть, денотаты, и правильно считать их находящимися во внешнем мире⁷. Луна, солнце, река, дерево, ягода, красное, горькое, шершавое, громкое, корги, пачули, *basso profundo*... – всё это *есть*. Любому можно это предъявить, и человек научится первичному опознанию предмета, а также и его названию (мои не общеизвестные в списке предметы – корги и *basso profundo*). С глаголами же не так. Глядя на мир, невозможно *заметить* ничего, о чем будто бы, по наивному мнению, говорит глагол, положим, что где-то там пилат, строгают, стирают и гладят (белье), тренируются и т.п. Более того, этого в мире *нет*. Этому всему место не в мире, но в человеческой деятельности. Ведь деятельность – не в мире. В качестве философского такой тезис, что «деятельность в мире», был бы натуралистически вульгарным, наивным семантическим реализмом. Истинен же обратный тезис: мир – в (человеческой) деятельности. Глаголы *не* обозначают ничего в мире, но либо прямо *выражают* действия людей, либо по сохранной в языке мифологической логике уподобляют им активности животных (кошка охотится) и некоторые природные явления (ветер свищет, буря неистовствует). Для человеческой жизни и деятельности указания на многообразные конкретные действия и процессы, выражаемые глагольными предложениями, гораздо насущнее и характернее, чем сообщения о предметах и их свойствах («луна в полнолуние круглая») в именных предложениях. А глагольные и именные высказывания в арабском мышлении взаимно несводимы. Поэтому для арабской семиотической среды естественно исходить из действий, обращать внимание прежде всего на них и осмыслять универсум процессуально.

Выскажу здесь гипотезу, хотя пока не готов предложить способ ее проверки. Возможно, что фалсафа, т.н. «арабский перипатетизм», т.е. направление мысли, отправлявшееся от переводов греческой философской классики, обращало несколько большее внимание на именные предложения в силу специфики предмета, и это могло отразиться на синтаксической форме, а порожденные самими арабами калам (философское богословие) и теоретический суфизм (философская мистика), напротив, больше осуществляли и выражали свою мысль глагольными предложениями. В трудах А.В. Смирнова уже убедительно показано, что арабская процессуальная логика смысла проявляется в трудах этих школ в более чистом виде.

Санскритский тип III строго противоположен арабскому. Правдоподобно, что склоняющие арабов и индийцев к противоположному схеме языкового мышления коррелируют и с многообразными особенностями деятельности, в связи с чем приведу наблюдение Бируни: «Среди обычаев индийцев [много] таких, которые столь разительно отличаются от нынешних обычаев нашей страны, что нам они кажутся чем-то удивительным. Нам сдается, будто они нарочно сделали свои обычаи противоположными нашим, а на самом деле в отношении такой противоположности [обычаев] мы оказываемся с индийцами в одинаковом положении и объяснить [эту противоположность] следует чем-то другим»⁸.

⁷ С индийской точки зрения стоит из педантизма оговорить, что наше рассмотрение относится к сфере *vyavahāra*. По-европейски это означает, что оно не затрагивает трансцендентальной проблематики.

⁸ Бируни Абу Рейхан. Индия. М., 1995. С. 183.

Представим себе простую бытовую ситуацию, свидетелями которой оказались двое людей с родным санскритом: коза боднула подростка. Оба обобщили этот случай. Один высказал глагольное предложение «коза бодается», а другой именное, и, согласно норме санскритского порядка слов, он сначала произнес слово, являющееся предикатом, а потом назвал субъект: «бодлива коза». На санскрите не так, как по-русски, это не эмфатический, а нейтральный порядок слов; следует также учесть, что различия кратких и полных форм прилагательных на санскрите нет, так что высказывание «бодлива(я) коза» и непредикативное словосочетание «бодливая коза» различаются только интонацией и условием речевого осуществления: если, произнеся эти два слова, говорящий умолк, то перед нами высказывание⁹. Оба предложения равно естественны. Невозможно счесть, что один из говорящих, например тот, кто употребил глагол и таким образом выразился привычным для европейца способом, прямо описал суть происходящего, а другой в угоду случайному правилу речи перевернул «правильный, соответствующий бытию» порядок слов. А коли так, то невозможна как сама собою разумеющаяся онтологизация денотатов существительных в качестве сущностей, которые есть и даны перее своих свойств. Впрочем, в одной из школ индийской философии, в вайшешике, отстаивается тезис, что субстанция (например, кувшин) в первый момент своего бытия после создания еще не имеет качеств, но он осознается как не тривиальный и нуждающийся в доказательстве.

Но более того, в индийском аналоге логики в силу наличия таких двух порядков слов в высказываниях отсутствует за ненадобностью даже различие суждения и понятия, нет самих этих терминов. Ведь европейское суждение, напомним, есть высказывающая речь, в которой от сначала названного субъекта переходят к предикату, и при этом субъект и предикат суть понятия. Однако отсутствие закрепленного порядка слов делает более естественной для индийцев иную картину языкового мышления. Сначала в уме мыслящего, мы бы сказали «на глубинном семантическом уровне», во внутренней речи, происходит акт выбора им некоторого сложного объекта из всего возможного многообразия содержания, которое в такой-то момент его умственной жизни доступно его восприятию и осмыслению. Этот акт выбора, который теоретически можно именовать актом полагания: «это» или «вот»¹⁰, и есть универсальный субъект всякого акта мысли. А все содержание акта мысли есть глубинный предикат. В нашем примере и в искусственном языке, который имитирует искусственные обороты санскритских теоретиков, это будет «коза-как-бодящаяся». А затем, при следующем акте оформления этой внутренней речи во внешнюю звучащую, происходит не логического характера выбор между глагольным или именным оформлением и соответственным порядком слов.

Таким образом, индийский аналог западной традиционной логики отличается признанием более глубокого уровня языкового мышления, на котором есть всеобщий логический субъект («это» или «вот») как акт умственной

⁹ Намеренное произнесение не полноценно синтаксически устроенного высказывания, а его части (например, непредикативного словосочетания) – примета совершенно особой ситуации пользования речью: это лингвистические занятия, и спутать их с прочими видами говорения невозможно.

¹⁰ Похоже, что «вот» – предельное обобщение, в котором не остается никаких следов определенности, и потому лучше, чем «это». Ср. Диалог: «что за шум снаружи?» – «Это драка», но «Вот же – люди дерутся».

жизни онтологического субъекта, а рассуждения осмысляются индийцами не как оформления понятий в суждения и сплетение суждений в умозаключения, но как закономерный, не случайный переход ума от одного объекта мысли к другому. Европейцы объясняют индийский «силлогизм» в таких языковых формах: 1. Во всяком месте, где есть дым, есть огонь. 2. На том холме есть дым. 3. Следовательно, на том холме есть огонь. Но сами индийцы, обсуждая данный ментальный акт, происходящий во внутренней речи, описывают этот процесс совсем не так. Если прибегнуть к синтаксическим химерам-калькам с санскрита, то мы получим примерно следующее: 1. Вот гора-на-которой-дым. 2. Вот гора-на-которой-дым-неразлучный-с-огнем. 3. Вот гора-на-которой-огонь.

По аналогии со сказанным выше о направлениях арабоязычной философии, но уже не в виде требующего проверки скромного предположения, а с достаточной долей уверенности, очень кратко упомяну в заключение, что и в санскритоязычной философии есть направления, больше тяготеющие к гипостазированию глагольных и именных предложений. При этом те из них, которые обращают больше внимания на общую семантическую предпосылку глагольных предложений, тяготеют, естественно, к философскому осмыслению универсума человеческой деятельности и ее объектов. Это школы мимансы, ньяи и вайшешики, которые практически не интересуются трансцендентальной проблематикой и окончательным освобождением (*мокша*) от бренности. Классик вайшешики Прашастапада замечает, что его философия рассматривает познавательные (и, разумеется, также и деятельностные) возможности обычных людей, т.е. не йогов. А школы, интересующиеся прежде всего освобождением, больше обращены к именным предложениям. Например, веданта глубоко разбирает речение упанишад «атман – это брахман». В буддийской философии, тоже сконцентрированной на проблемах трансценденции, мы встречаем важнейшее онтологическое понятие, наличие которого прямо связано с порядком слов именного предложения, с предшествованием сказуемого подлежащему. Опять прибегнем для наглядности к синтаксическим калькам санскритских именных высказываний: «умен Девадатта», «кшатрий Девадатта», «северянин Девадатта», «утомлен Девадатта». Мы видим, что указание, пользуясь нашими привычными категориями, на наличие у Девадатты качества, отнесение его к классу кшатриев или северян, приписывание ему временного состояния утомленности – всё это выражается тождественным образом. Общее у всех этих, по Аристотелю, заведомо относящихся к разным категориям (качество, сущность, состояние) определений только одно: это некоторые, ставшие уму в его акте ясными из самих себя и выраженные речевой формой содержательные определенности. В первичной фундаментальной интуиции индийца нет различия между названием, эпитетом, качеством и т.д. Всё это именуется термином *dharmā*, согласно дефиниции буддийских философов «то, что имеет свой признак или свой способ бытия». И это главное онтологическое понятие буддийской философии. Реальность того, о чем это понятие, достигается на путях йогической работы над своим сознанием, т.е. в созерцании. Созерцание, согласно всем общепринятым (а не трудным и специальным тантрическим) методам полностью несовместимо ни с какой активностью, даже шевелением, сменой позы и движениями глаз. Поэтому в глубинной сути вещей (на санскрите *paramārtha* как противоположности *vyaavahāra*, о которой см. выше) нет никаких и ничьих действий. Поэтому, в частности, нет и Бога. Имеет

место только видная тому, кто освоил позицию трансцендентального наблюдателя (т.е. умелому йогу), смена одной конфигурации дхарм другою. Я все не высказываю тем самым нелепость, которая пристала недалекому и рьяному адепту гипотезы Сепира – Уорфа, что, мол, блестящие достижения индийцев по управлению своим состоянием (йога) и исчислению мирских смыслов и действий (как в мимансе, ньяе и вайшешике) прямо вытекают из порядка слов. Выделенные черты языкового строя облегчили им возможность поставить такие сложнейшие задачи и продвинуться на путях их решения, не более того. Но задачи столь трудны, что в арабской и западной цивилизациях до них не добрались, зато достигли успеха на других путях мышления, которые, в свою очередь, оставались недоступны индийцам.

Список литературы

- Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Пер. с фр. Н.Ю. Бокадоровой. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
- Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. М.: Наука, 1991. 413 с.
- Бируни Абу Рейхан. Индия / Пер. с араб. А. Халидова, Ю. Завадовского. М.: Ладомир, 1995. 737 с.
- Брентано Ф. О многообразии сущего по Аристотелю / Пер. с нем. Н.П. Ильина. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2013. 247 с.
- Смирнов А.В. Событие и вещи. М.: Садра: ЯСК, 2017. 232 с.
- Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: ЯСК, 2015. 712 с.
- Смирнов А.В., Солондаев В.К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019. 158 с.
- Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997. 302 с.
- Челпанов В.Г. Учебник логики. М.: Научная библиотека, 2010. 128 с.

On the difference in the formalization of logic by the Ancient Indians and Ancient Greeks in connection with the difference in word order under predication*

Andrey V. Paribok

RUDN University. 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117196, Russian Federation; e-mail: paribok6@gmail.com

The article discusses some logical, semantic and metaphysical consequences or correlations with the introduced typology of word order in verbal and nominal sentences, which in the European tradition represent speech patterns used in judgments. The combinatorics of word order gives four variants, of which three are actually represented by native languages of distinctive philosophical traditions. It is shown that the Western word order predisposes the semantic intuition in favor of substantialism, the Arabic variety (in verbal sentences) is in conformity with the process logic of sense discovered and described by

---

* The article was prepared within the framework of the Agreement between the Ministry of Science and High Education of the Russian Federation and the Peoples' Friendship University of Russia No. 075-15-2021-603: "Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions". This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

A.V. Smirnov. The Sanskrit word order in predication predisposes to the understanding of thinking as a natural transition from one object to another, whereas the ontological type of the object is not predetermined.

Keywords: Smirnov, theory of the logic of sense, substantialism, processuality, typology, logic, Indian logic, predication, word order, linguistic thinking, Sanskrit, Arabic

For citation: Paribok, A.V. “O razlichii v formalizatsii logiki u indiiitsev i grekov v svyazi s razlichiem poryadka slov v predikatsii” [On the difference in the formalization of logic by the Ancient Indians and Ancient Greeks in connection with the difference in word order under predication], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 35–42. (In Russian)

References

- Arnauld, A. & Lancelot, C. *Grammatika obshchaya i racional'naya Por-Royal'a* [General grammar of Port-Royal], trans. by N.Yu. Bokadorova. Moscow: Progress Publ., 1990. 272 pp. (In Russian)
- Arnauld, A. & Nicole, P. *Logika, ili Iskusstvo myslit'* [Logic or the art of thinking], trans. by V.P. Gaidamak. Moscow: Nauka Publ., 1991. 413 pp. (In Russian)
- Biruni, Abu Reykhan. *Indiya* [India], trans. by A. Khalidov and Yu. Zavadovskii. Moscow: Ladomir Publ., 1995. 737 pp. (In Russian)
- Brentano, F. *O mnogoobrazii sushchego po Aristotel'u* [On the multifarious meaning of the being in Aristoteles' works], trans. by N.P. Ilin. St. Petersburg: Vyshsya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 2013. 247 pp. (In Russian)
- Chelpanov, V.G. *Uchebnyk logiki* [A manual of logic]. Moscow: Nauchnaya biblioteka Publ., 2010. 128 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Vvedeniye v metafiziku* [Introduction into metaphysics], trans. by N.O. Guchinskaya. St. Petersburg: Vyshsya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 1997. 302 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Sobytiye i veshchi* [Event and things]. Moscow: Sadra Publ.; YASK Publ., 2017. 232 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Soznaniye. Yazyk. Kul'tura. Smysl* [Consciousness. Language. Culture. Sense]. Moscow: YASK Publ., 2015. 712 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. & Solodayev, V.K. *Processual'naya logika* [Process logic]. Moscow: Sadra Publ., 2019. 158 pp. (In Russian)